

Светлана Устелимова

16+

Любовь к деньгам, и не только

Повести и рассказы

Светлана Борисовна Устелимова

Любовь к деньгам и не только

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48536435

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-95843-2

Аннотация

Рассказы о наших современниках, разных людях, которые оказываются в драматических ситуациях. Этим людям приходится проверить на прочность человеческие отношения: любовь и дружбу. Честность и порядочность время от времени пересекаются с подлостью, искренность с предательством, самоотдача с эгоизмом. Во всех рассказах сила духа помогает справиться с любыми обстоятельствами. О героях рассказывается тепло и с любовью.

Содержание

Осень Прохора Потугина	4
Призвание	10
Девушка с ядром	14
Прости меня, Дэзи...	19
Бабаня	24
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Устелимова

Любовь к деньгам и не только

Осень Прохора Потугина

Прохору Степановичу Потугина редкая удача подвалила. Сидел на вокзале. Всю ночь продремал. Утро уже началось. Люди, пассажиры транзитные, в буфет завтракать подались. Прохор вокруг гладких столиков потёрся. Случается, пирожок не доедят, оставят, или даже котлету – сем не завтрак? Но ничего не нашёл. Прохор Степанович снова сел в кресло. «Через полчаса ещё поищу», – подумал он с надеждой на удачу и закрыл глаза. А тут его по плечу хлоп-хлоп – женщина лет пятидесяти. Аккуратная такая, румяная.

– Дед, не впервой здесь ночуешь?

– А тебе что?

– Не груби. Заработать хочешь?

Денег у старика давно не было. Летом ещё можно жить, деловые люди шабашников набирают – по деревням коровники строить. Ничего, что деду шестьдесят девять лет, зато он мастер на все руки.

– Что делать-то?

– Да пустяки! Айда-ка со мной! Тут неподалёку.

Женщина привела Потугина к себе, но в дом не пустила.

– Твоя задача – перенести нужник. Новую яму выкопать, а старую засыпать. Приходилось?

Как не приходилось? Сам раньше в деревне жил. И дом свой был, и жена, и двое сыновей. Дети выросли, уехали. Жена померла, а потом Нинка-почтальонка окрутила, женила его на себе, дурня старого. Она баба в самом соку, въехала к нему в дом и сразу же хахаля завела. Вместе они Прохора и выгнали. Ненависть уже давно схлынула, осталась только тихая беспомощная обида.

Потугин хлюпнул носом.

– Эй, ты что? Не справишься?

– Справлюсь.

Провозился до вечера. На обед хозяйка его борщом домашним накормила. Давно не едал такого. Горячий, аж дымит, а поверх – кусочки сала плавают – объедение!

Потугин поглощал борщ так, как будто на всю жизнь наесться хотел. Напоследок хозяйка дала ему четвертак, «спасибо» в придачу сказала, и пошёл Потугин обратно на свой вокзал.

Когда привыкаешь, толпа уже не мешает, и шума не замечаешь, и света электрического. Спи себе, никому до тебя дела нет. Вот если бы ещё и менты не беспокоили! Но сержант Ширяев разбудил.

– Эй, Потугин! Давно тебя не видно было.

– Соскучился, что ли?

– Ага, – сержант был совсем молодым и очень нравился сам себе.

– В Питер к сыну ездил.

– А что ж вернулся?

– Сноха выгнала. Сказала: одного алкаша в доме хватает.

– Пьёт, что ли, сын?

– Не то, чтобы сильно...

– Значит, пьёт. Теперь тебя, Потугин, можно на вокзале прописать.

Сержант, довольный своим остроумием, прошёл дальше. Потугин размечтался о том, как его пропишут на вокзале и выдадут талоны. Вот тогда он купит бутылку водки по госцене, и так хорошо ему от этих мыслей стало, что он уснул сном праведника и не просыпался до самого утра.

Сытый ещё от вчерашнего борща, он мучительно хотел курить. Рядом вкусно дымил сигаретой пожилой мужик. Потугин с трудом отвёл глаза и сглотнул слюну – попросить закурить он не мог, гордость не позволяла. Подождал, пока гражданин докурит, выбросит окурок и уйдёт, а потом залез в урну и достал чинарик. Разменивать заработанные деньги было жаль, но пришлось – ноги разболелись, суставы к перемене погоды скрутило. «Кончается бабье лето, скоро холода начнутся», – подумал с тоской.

Аптекарьша Сара ему мазь дала вонючую, хорошо помогает. Сказала, что эта мазь сейчас дефицит, но ему, старому

знакомому, четыре тюбика найдёт.

Потугин посидел в аптеке, снял свои разбитые сапоги, брючины задрал, мазью больные места натёр.

– Что ж ты к своему младшему жить не пойдёшь? – спросила Сара участливо.

– Пьёт он. – Потугину не хотелось быть откровенным, но пришлось – в благодарность. – Оба пьют.

– От тебя, стало быть, научились.

– Не учил я их этому. Я, может, хотел, чтобы они институты позаканчивали, в шишки выбились.

– А от чего твоя жена умерла?

– Рак у неё был.

Сара вздохнула, а Потугин вспомнил, как Маша, узнав о своей болезни, сказала: «Это ты виноват! Это от твоих побоев у меня рак!» Он заплакал, как и тогда, десять лет назад. Маша доброй была. Она его простила. Не захотела с собой в могилу обиду уносить.

Душевные в этой аптеке люди. Старик даже хотел благодарность в книгу отзывов написать, только он неграмотный, попросил, чтобы Сара сама написала под диктовку, а он бы подписал. Но Сара засмеялась, махнула рукой:

– Ладно, как-нибудь без твоих похвал проживём!

Когда Потугин уже собрался уходить, Сара его остановила.

– Чуть не забыла тебе сказать!

– Чего?

– У нас в городе дом престарелых открылся.

– Очередь туда, – солидно добавила молодая аптекарша. –

У меня знакомая хотела свою бабуку туда сплавить, сказали, мест нет, велели через полгода обратиться.

Проخور пожал плечами: уж если нормальным людям трудно туда попасть, то ему и подавно. Он давным-давно привык считать себя не полноценным человеком, а так, пережитком.

На следующий день Потугин собирался навестить свою хорошую знакомую. Она работала в центре города в пельменной. Проخور иногда её мелкие поручения выполнял. Так вот и подкармливался. Подошёл с чёрного хода. Попросил грудастую посудомойку:

– Позови Варвару Тихоновну.

– Нет её.

– А где ж она?

– В больнице. Инфаркт у неё.

«Довёл-таки сыночек», – подумал Потугин. Этот взрослый амбал нигде не работал, на материнской шее сидел, бил мать. Варя часто жаловалась Потугину на сына. Теперь вот в больнице.

Несколько лет назад Потугин тоже зимовал в больнице. Воспаление лёгких было. Райская жизнь – постель чистая, пища сытная, общество приличное. А вот как эту зиму пережить?

Потугин вспомнил, что сержант Ширяев говорил ему про прописку, и направился на вокзал, напрямиком в отделение

милиции. Выложил просьбу. Дежурный хохотал от души. У него даже слёзы на глаза от смеха навернулись.

– Ну ты, Потугин, даёшь! На вокзале прописать? Талоны нужны? Кстати, а паспорт у тебя есть?

– Потерял, – соврал Потугин: не будет же он объяснять, что когда-то выменял паспорт на две бутылки водки (обещали три – обманули).

– Так вот, дед! Слушай. Пока поживёшь у нас, до выяснения личности. А потом мы тебя в дом престарелых определим.

«Слава Богу, – подумал Потугин, не заглядывая далеко вперёд. – Может, зиму протяну, а весной и умереть можно. Весной даже хорошо умереть».

Призвание

Всё началось невесело. Елену Викторовну сократили на работе. Когда женщине за сорок, это трагедия. Тем более поддержки ниоткуда нет – муж давно умер. Дочь – большая девочка, в Москве учится, в институте, а там, сами знаете, деньги на вес считают. Так что пришлось Елене Викторовне всерьёз задуматься: каким путём на жизнь заработать? Да ещё хорошо бы самой, ни к кому не идти, не наниматься.

Что же такого Елена Викторовна умела делать лучше всего, лучше многих, в чём могла бы конкурировать с кем угодно? И её осенило: ну конечно же, всю жизнь она умела врать! Она так это делала, что ей даже свекровь через раз верила, а уж свекровь та ещё штука, насквозь её видела!

И где же такой редкий талант может пригодиться? – задумалась Елена Викторовна. В политике, наверное. В депутаты можно податься. Только это для тех хорошо, кто побогаче, у кого есть за спиной сильные дяди, которые поддерживают и проталкивают, и дорогу расчищают. У Елены Викторовны таковых в ближайшем окружении не имелось.

Умение приврать, присочинять, придумать то, чего не было, – очень полезное качество в журналистике. Только развились у Елены Викторовны непонятные, неоправданные, возможно, комплексы. Всё ей казалось, что корреспондентка – это девочка с блокнотиком. Себя, солидную тётеньку, она в

этой роли никак не видела.

– Слушай, милочка, – сказала Елена Викторовна себе, – а не попытаться ли судьбу предсказывать? Вот с себя и начну.

Она села перед трюмо и внимательно взгляделась в своё лицо.

– Счастливой буду, богатой буду. Эх, была не была, и замуж выйду!

Женщина не совсем поверила своему пророчеству, но на душе у неё немного полегчало.

Листая какую-то газету, Елена Викторовна увидела групповое фото футбольной команды и решила попрактиковаться в своих ясновидческих способностях. Все ребята на подбор, богатыри. И с ними дядька Черномор – тренер их. Достала Елена листок бумаги, села перед ним и, время от времени поглядывая на фото, написала письмо, в котором каждому футболисту персонально судьбу напроорочила – славу, удачу, деньги, любовь. А вот тренер ей почему-то сразу не понравился – лысый и усатый, лицо самодовольное, как будто он только что во французском ресторане лягушек ел. Ему Елена написала: «Работу потеряешь, жену потеряешь». Конверт запечатала и отправила на адрес редакции. Попросила ответить, сбудутся ли её прогнозы. Подписалась: Агриппина.

За дело новоявленная ясновидящая взялась, не дожидаясь ответа. Дала рекламу: «Наследственная гадалка Агриппина. Предсказываю будущее. Помогу избавиться от семейных и материальных проблем». И народ пошёл. Сначала она

недорого брала. Много разных случаев было, но сейчас речь не о них.

Елена Викторовна имела свой профессиональный секрет: со своими проблемами люди чаще всего могут справиться сами. Им просто иногда нужно взглянуть на себя и всю ситуацию со стороны, откровенно рассказать обо всём постороннему доброжелательному человеку. А там иногда уже намёка достаточно. Скажешь что-нибудь, вроде как будущее напроносишь, а на самом деле установку делаешь.

Легче всего одиноким женщинам помогать. Они, часто бывает, замуж не выходят, потому что принцев ждут. Вот им и говоришь: «Суженый твой рядом и давно тебя любит. Только ты его не видишь. Присмотрись хорошенько. Чувствую, что он совсем близко. Только робкий он. Подтолкнуть его надо». Женщины приходят потом, благодарят.

Через год Елена Викторовна получила письмо из Москвы. Писал ей тот самый тренер, с которого она начинала. «Ну что, Груша, здорово! («Тьфу, зачем только я так назвалась?») Накаркала, карга старая! («Это я-то старая? А сам какой? Молодчик выискался!») Команда вдрызг продулась и меня с работы выперли. Жена бросила. Посоветуй, что теперь делать?»

«Навязался на мою голову», – подумала Елена Викторовна и, чтобы покончить с ним, ответила: «Уедешь надолго, может быть, навсегда». Сама подумала: «Авось, куда-нибудь в Америку махнет или в Гонолулу, гонолупят тренировать».

Прошло ещё какое-то время. Сидела Елена Викторовна однажды вечером дома. Звонок в дверь. Открыла, а на пороге Черномор собственной персоной. Увидел её и обомлел.

– Грушенька! Я давно хотел с тобой лично познакомиться. Если б не твоё письмо, эти передраги меня бы убили, а так я успел к ним морально подготовиться.

Сказал он, что решил уехать из Москвы в наш Саратов, как-никак отсюда родом. Будет местную команду тренировать, его давно звали. Очень мило побеседовали. А когда попрощались и Елена Викторовна уже дверь за ним закрыла, он вдруг снова позвонил:

– Скажи, Груша, что меня в личной жизни ждёт?

– Да что, – она пожала плечами. – Женишься скоро.

– И на ком, интересно? – Он хмыкнул.

– На мне.

И ведь женился же, не прошло и года. Так что и самое её первое предсказание сбылось. Никуда от судьбы не уйдёшь, особенно когда она в твоих руках.

Девушка с ядром

Вот вы, девчонки, про свои замужества рассказываете, и я про своё расскажу. Начну издалека, с детства. Я была очень закомплексованным ребёнком. И даже не в том дело, что к семнадцати годам мой рост был сто восемьдесят сантиметров – с таким ростом девочки по подиуму ходят, в глянцевах журналах снимаются. А в том дело, что к этим сантиметрам я ещё и весила девяносто килограммов, и сбросить вес, увы, не могла. Ведь это был не жир, уж извините за интимную подробность, не мягкое рыхлое сало, в котором утопает рука. Мои килограммы были тугими мышцами, данными мне от природы, ведь спортом я никаким не занималась.

Однажды вечером, возвращаясь от подружки, я скучала на остановке. Напротив стоял взрослый мужчина и изредка на меня заинтересованно поглядывал. Я смущалась и от этого злилась. Потом он подошёл ко мне.

– Девушка, не подумайте ничего плохого. Я тренер по лёгкой атлетике. Вы мне очень подходите!

Я улыбнулась, приняв его слова за глупую шутку, неуклюжий флирт. Не успела ничего возразить, как он сказал:

– Нет-нет, не спорьте! Я профессионал, знаю, что говорю.
– Вы что, я хуже всех в классе бегаю! – запротестовала я.
– А зачем бегать? – Мужчина удивлённо приподнял бело-брысые брови. – Я предлагаю вам заниматься метанием ядра.

Пришла моя очередь удивляться.

– Ядра? А что это такое?

Кроме как ядра орехов, других ядер я представить не могла. Ещё война бывает ядерная, но это что-то совсем другое.

Оказалось, что есть такой вид спорта, когда бросают металлическое ядро – почти пятикилограммовый шар размером с мяч. Кто дальше бросит, тот и победил. Я даже не знала, что такой вид спорта существует.

Мы познакомились. Виктор Иванович очень настойчиво приглашал меня в спорткомплекс на тренировки и, когда наконец показался мой автобус, вручил мне визитку.

Неделю я думала, а потом решила: попробую. Делать-то все равно особенно нечего, я девушка свободная. Хуже никому не будет. Не понравится, всегда брошу. Хотя бы из любопытства нужно сходить.

Пришла первый раз в спортзал и слегка обалдела. В нашей группе было восемь девушек, я девятая, и, как оказалось, самая стройная и миниатюрная. Не скажу, что это было мне неприятно. И причем девчонки все весёлые, шутят всё время – и над собой, и над Виктором Ивановичем, и над всем на свете.

Стали тренироваться. У меня получается! А тренер хитрый: за каждый мой шаг меня нахваливает. Плохо получилось – он хвалит, хорошо получилось – он восхищается. Я и стараюсь. Сама не пойму, но так это всё как-то само собой складывается, и результаты быстро стали улучшаться. Я и

правда к этому спорту способной оказалась, не ошибся Виктор Иванович. Он сумел сначала интерес во мне пробудить, а уж позже я привязалась. Сейчас-то мне кажется, что нет лучше спорта в мире, чем метание ядра.

С хорошими результатами меня начали привлекать для участия в соревнованиях. Первые победы, первый успех. Ничто лучше так не помогает с комплексами бороться! Меня ровесники уважать стали. Не каждая девчонка по нескольку раз в год в другие города выезжает, и даже за границей бывает. Так я занималась четыре года. Но всё это предисловие, я же начала про замужество.

Мне предстояли ответственные соревнования, а тренера направили на какой-то ответственный семинар, от которого он не мог отказаться. Виктор Иванович сказал, что эту неделю тренировать меня будет его сын, Константин, человек лет двадцати пяти, серьёзный, молчаливый, мастер спорта. Я что? Как тренер скажет. Если он ему доверяет...

Стал со мной Константин работать. Как на девушку он на меня не реагировал. Занимался со мной, будто я солдат. Было немножко обидно, ведь он мне сразу понравился. И по комплекции он мне подходил: и ростом, и по весу, а еще мне нравилось, что он тоже спортсмен. Впрочем, я была молоденькая и очень скромная. Возможно, что ничего у нас бы не получилось, если бы не случайность.

Была уже весна. Май, теплынь. Травка зеленеет, небо голубеет. Мы тренировались на стадионе. Я взяла ядро, раз-

махнулась, как это положено. За мной металлическая сетка полукругом, чтобы шар случайно не вылетел туда, куда не надо. Вдруг у Кости зазвонил сотовый, и он сделал несколько шагов в сторону. Не пойму, как это получилось, один миг, и ядро со всего маху летит прямо ему в грудь.

Костя упал и потерял сознание. Я завизжала не своим голосом. А потом уже плохо помню. Приехала «скорая», моего молодого тренера увезли в реанимацию. Меня, кажется, допрашивали. Всё как в тумане. Когда меня отпустили, я поехала в больницу. У Кости оказались переломаны несколько рёбер. Будь он другой комплекции, этим ядром его бы убило – ужас, страшно подумать! А так обошлось, гора мышц, самортизировало. Врачи мне сказали: «Жить будет, сейчас ему вкололи обезболивающее, он спит».

С тех пор я стала навещать Костю каждый день, а иногда и два раза в день. Даже на соревнования в тот раз не поехала, это очень серьёзно. Он быстро шёл на поправку. Со временем я стала замечать, что он радуется мне, бежит навстречу, интересуется моими делами. Ну и я к нему со всей душой.

Наконец, Константина выписали из больницы. Я очень боялась, что мы с ним видеться больше не будем. Давно вернулся Виктор Иванович, простил меня, тетёху такую. Продолжались наши тренировки. Я скучала по Косте день и ночь, так привыкла к нему, что просто не могла. Никаких разговоров на тему отношений у нас с ним никогда не было, да и быть не могло – по моей вине он пострадал. Плачу ночами

в подушку. Как увижу Виктора Ивановича, всё мне хочется о Косте спросить: как он, что с ним, а я сдерживаюсь, стесняюсь.

Через два месяца после нашей последней встречи Костя пришел в спортзал к концу тренировки, перекинулся парой слов с отцом, а потом подошёл ко мне.

– Привет, Катюха. Знаешь, я по тебе соскучился. Оказывается, мне тебя очень не хватает. Ты бы хоть телефон оставила, а то раз, и исчезла...

Костя стал моим мужем, самым дорогим и любимым человеком на земле, которого я берегу и лелею.

Девчонки, мои подружки по команде, всё шуточки шутили на нашей свадьбе. Говорили:

– Хорошо, Катюха, целилась, а попала бы в голову, тогда б твой муженек столбам улыбался!

Ещё болтали:

– Виктор Иванович, когда тебе сына доверял, не предполагал, что ты так активно действовать будешь!

Смеялись:

– Чего ядро толкать, мучиться? Возьми любой кирпич и атакуй – беспроигрышный вариант для тех, кому жених нужен.

Всех их шуточек не пересказать.

Костик мой только улыбался, такой он хороший. А я отшучивалась:

– Завидуете? Завидуйте!

Прости меня, Дэзи...

Скучный месяц ноябрь – кругом сыро, холодно, серо и тоскливо. Лидия Викторовна разулась в прихожей, сняла пальто, прошла в зал и присела в кресло. В комнате было тепло, а она очень замёрзла, пока добралась домой. Может, её разморило от тепла и усталости, или подействовал корвалол, которого она напилась час назад, только она задремала и даже не почувствовала, что задремала: как сидела, так и сидит на том же месте, и видит – в кресле напротив Дэзи. Молодая, здоровая, такая, какой её любила вся семья – со смешным плоским носом и короткими лапами.

– Ты обиделась? – спросила Лидия Викторовна. – Почему не идёшь ко мне? Подойди, я хочу тебя обнять.

Собака посмотрела внимательно и грустно, а потом сказала:

– Я же так любила вас...

– Дэзи, ты же знаешь, мы тебя тоже очень любили. Володя четырнадцать лет назад тебя принёс... Крохотный толстый щенок-боксёр... Я стала возмущаться:

– У нас двое детей, ты всё время по командировкам. Мне только собаки не хватало!

Только дети в два голоса стали просить:

– Мамочка! Посмотри, какой он милый!

Они сразу начали тебя тискать, целовать и радоваться.

Мариночка тогда ещё в школу не ходила, и Серёжа – на два года младше.

Ты была такой проказливой, помнишь? Мы в прихожей тапки складывали наверх, туда, где у добрых людей шапки лежат, чтобы ты их не погрызла. Смешно так.

– Потом я стала взрослой, а дети ещё оставались детьми.

– Мне никакой другой няньки не нужно было, ты мне помогала детей воспитывать. Выведу вас на улицу, ребятишек на детской площадке оставлю, а сама пойду по своим делам. Так ты чужим взрослым не позволяла близко подходить к песочнице, заодно и других, не наших малышей охраняла. Мамаши не могли своих детей забрать – возмущались.

Лидия Викторовна улыбнулась. Собака нехотя подошла к креслу, на котором сидела хозяйка, и положила голову ей на колени.

– Дэзи, а помнишь, как у тебя заболели зубы?

– Давай не будем о грустном. Зубы мои потом пригодились.

– Да-да, это ты про случай с Серёжкой? Когда он возвращался со школьной дискотеки, на него трое напали возле гаражей. Я ждала его, волновалась, поэтому и гуляла с тобой допоздна. Далековато было, но ты услышала крик, узнала голос и кинулась на помощь, я за тобой еле успевала. Вместе мы хулиганов и разогнали. Но это, наверное, единственный случай был. Вообще-то никто наших ребят не обижал, да они без тебя и не гуляли никогда. Маринка с тобой на свидания

ходила.

– Это поначалу, потом возмущаться стала: «Я с Дэзи гулять не буду!». Потому что я ей целоваться не давала, очень уж мне не нравилось, когда всякие глупые мальчишки начинали её тискать.

Обе примолкли. Потом Лидия Викторовна тяжело вздохнула и сказала:

– Счастливые мы были и сами не понимали, как счастливы. Володя умер, мне самой жить не хотелось. Ведь нестарый был, и не пьяница, а сердце остановилось – слабые наши мужики. Мне бы от горя запереться одной в доме, думать о нём и плакать-плакать... А ты вот так же ко мне подойдёшь и начинаешь мне слёзы с лица слизывать. И гулять с тобой надо, хочешь-не хочешь. Если б не ты, неизвестно, как бы я это горе пережила.

– Зато дети у вас хорошие, и судьба их не обидела.

– Да-да, – согласно кивнула Лидия Викторовна. – Маринка в десятом классе училась, когда прошла конкурс и попала на телевидение, начала молодёжную передачу вести, она же у нас красавица и умница. Не зря её так быстро в Москву переманили. Она тоже по тебе скучала, с тобой по телефону разговаривала. Мы всё смеялись поначалу: ты голос её слышишь, а не видишь, начинаешь нервничать. Потом привыкла.

– А вскоре и Серёженька женился...

– В Саратов переехал, вроде и недалеко, а не каждый день

видимся. И рада я за них, а всё ж таки грустно. Столько лет было в доме шумно и весело, а тут – тишина и пустота. Одна ты у меня осталась, Дэзи, верный мой друг.

– Только и ко мне старость подкралась.

Лидия Викторовна прижала к груди сидевшую около неё собаку и с трудом проглотила комок, который появился в горле.

– Ты, же знаешь, Дэзи, подружка моя милая, хорошая моя, мы всё сделали, что могли, когда ты заболела. От паралича даже людей не всегда вылечить можно, а мы тебя в несколько ветеринарных клиник возили, все назначения выполняли, все лекарства покупали. Наш врач сразу сказал: «Усыпить. Ей ничего не поможет – это старость», а мы боролись.

Женщина снова замолчала, потому что не могла говорить. Через несколько минут продолжила:

– Ты думаешь, мне было легко на это решиться? Думаешь, мне не хотелось, чтобы ты умерла своей смертью? Только не могла я тебя на руках выносить на улицу с четвёртого этажа – ты пятнадцать килограммов вешишь, а я сама всего сорок восемь, сил моих физических на это не хватало. Первое время мне сосед Витька Сидоров помогал – у него почему-то всегда первых пар в институте не было. Он тебя выносил на прогулку, а когда ты все дела сделаешь – заносил. Потом Витька сессию не сдал и его из института выгнали, он на завод устроился, стал рано уходить. Пару месяцев я сама тебя выносила, и меня радикулит разбил.

Снова возникла пауза.

– Не расстраивайся, ты всё сделала правильно... – сказала собака.

Но Лидия Викторовна продолжала оправдываться:

– Серёжа много работает, он с трудом сегодня вырвался – помог тебя в клинику отвезти, выгрузил нас там и сразу уехал. Врач говорил, что ты ничего не почувствуешь. Я тебя оставила, вышла в коридор, и мне плохо стало, меня корвалолом отпаивали. Прости меня, Дэзи.

Слёзы уже не лились у Лидии Викторовны из глаз, но на сердце лежала тяжесть и трудно было сделать вдох.

– Я знаю, почему тебе так больно, – сказала Дэзи. – Ты боишься, что с тобой поступят так же. Твоя собственная старость на пороге.

– О чём ты говоришь? Я же человек!

– Ладно, не делай вид, что не понимаешь... Как будто люди не бывают друг другу в тягость.

Лидия Викторовна хотела возмутиться и вдруг проснулась. Она была одна в пустой квартире. Трезвонил телефон. Она сняла трубку. Это звонила из Москвы Марина:

– Mamочка, ну как всё прошло с Дэзи? – и всхлипнула:

– Mamочка, ты только не плачь!

Бабаня

Юлька бегала по квартире, поднимая ветер, и кричала:

– Как у тебя здорово! А это что? А ванна где? А где зеркало? А это балкон или лоджия? Здорово!

Она побывала везде. В единственной комнате она попрыгала на диване. В просторной кухне заглянула зачем-то в духовку. В туалете хлопнула крышкой от унитаза – красивой, малахитово-зеленой, в тон плитке. В ванной включила и выключила душ. С балкона оглядела пейзаж – квадратный маленький дворик, пока без зелени, с которого еще не везде убрали строительный мусор.

Юлька немножко разлохматилась и стала от этого ужасно хорошенькой. Вадим ходил за нею по пятам и улыбался. Он очень гордился своей новой квартирой и тем, что уже третий месяц живет один, без мамы и отчима. Ему даже казалось, что он чувствует себя взрослым – независимым и самостоятельным.

После осмотра они вошли в зал. Вадим включил громадный телевизор. Кроме телевизора, там стоял ещё диван и журнальный столик, а на столике довольно небрежно брошен ноутбук. Везде валялись разные предметы одежды. Вадим ногой затолкал под диван грязные носки, надеясь, что девчонка на это не обратит внимания, и предложил:

– Располагайся!

Но Юлька, конечно же, увидела его движение и рассмеялась, как умела смеяться только она – будто тысячи звонких колокольчиков рассыпались. Она вообще почти с самого порога начала смеяться: смешно ей было, как Вадим изображает из себя солидного мужчину, девятнадцатилетний мальчишка, большой и глупый, похожий на молодого лобастого бычка.

На диван она не села, продолжая скакать по комнате, как стрекоза. Вадим подошел к ней и обнял. Юлька с радостью подставила розовые губы, сладкие-сладкие. Она была в простенького покроя платье, коротком, с маленьким вырезом на шее и пуговичкой на спине под волосами. Вадькина рука не пролезала под него ни с какой стороны. Девчонка была замурована в это платье, как в скафандр. Оставалось только снять его совсем. Юлька, видя его попытки, снова начала смеяться, дразня Вадима и подталкивая к более решительным действиям.

В этот самый интересный момент зазвенел телефон, вернее, не зазвенел, а гнусавым голосом сказал: «Сыночек, это я, твоя мама, звоню!» Вадька не мог оторвать своих губ от Юлькиных, чтобы ответить, но девушка оторвалась сама.

– Вадик, тебе мама звонит.

– Потом перезвоню, – Вадим махнул рукой.

– Вадик, возьми, это же мама!

Юлька сама взяла телефон со столика и сунула ему в руки.

– Да, мама, – с неохотой сказал Вадим. – Я в туалете был...

Все нормально... Зачёт через неделю... Готовлюсь... Но сегодня-то можно отдохнуть?.. Ещё не ужинал... Сварю, конечно... Ну ладно, мамочка, целую. Пока-пока!

– Мама говорит, что она пельменей купила, в морозилке лежат, – сообщил он Юльке.

– Ой, как я люблю пельмени, – захлопала в ладони девчонка. – Накорми даму!

– Легко сказать «варить», а как их варить? Нет, я в принципе знаю. Мама сказала, что их нужно в кипящую воду бросать. А размораживать нужно или не нужно?

Юлька хихикнула: «Горе-кашевар!» и пошла вместе с ним на кухню.

Вадиму страшно нравилась собственная квартира, в ней всегда было светло и почему-то радостно. Даже еще в то время, когда шел ремонт и не было гардин, ему казалось, что свет падает из окна большими красными яблоками, такой он был плотный и яркий. Все дни Вадькиной жизни были заполнены до предела и вообще проходили радостно.

Юлька залетала к нему время от времени, как белая голубка.

– Оставайся у меня ночевать, – говорил он ей.

– Нельзя! – отвечала Юля. – Ты же знаешь моего папу! Он такой строгий! Папа меня потом совсем домой не пустит.

Вадим брал ее на руки и кружил по комнате.

– Оставайся у меня насовсем!

– Глупый, а на что мы жить будем?

– Посмотрите на неё: какая умненькая и рассудительная девочка!

И Вадька, балуясь, кусал ей мочку уха или целовал нежную шейку.

Юля пришла к нему с букетиком сирени, и комната сразу наполнилась сладким пьянящим запахом. Вадим приподнял ладонями милое свежее личико девушки, чтобы поцеловать, и ему показалось, что это она сама так пахнет – волнующе и сладко.

– Этот букет, – сказала она, – мы поставим вот здесь, на столике. Давай вазу.

– Вазу? – удивился Вадим и даже улыбнулся. – У меня нету, до сих пор как-то не требовалась...

– Вот и потребовалась. Хоть банку дай.

Он пошел искать банку, но не нашел ни одной подходящей.

– Нет банки, только бутылки! – крикнул он из кухни.

– Ты же мужчина, ищи выход из положения! Представь, что у тебя семья, и вот, проблема. Реши! – потребовала Юлька, а глаза её смеялись.

– Сейчас я посмотрю, сколько у меня денег, пойду и куплю какую-нибудь, подешевле.

– Вадим, ну это же так просто! Давай возьмем пластиковую бутылку, горлышко обрежем, и будет нам ваза.

– Мне досталась удивительная жена: умная и красивая!

– Дурачок! – ответила Юля и замахнулась на парня букетом.

Она начала возиться с бутылкой из-под лимонада: вырезала как-то оригинально, фигурно края, заполнила водой и живописно расставила в ней сиреневые ветки. Одновременно она рассказывала Вадиму свои школьные новости.

– Мне поручили сделать сообщение о ветеране войны, а у меня ни одного знакомого ветерана нет. Моя бабушка живет далеко, в Челябинске. Ей всего два года было, когда война началась, она почти ничего и не помнит. Мне вообще кажется, что участников войны уже не осталось.

– Можно найти! И даже далеко искать не надо. Моя баба-ня воевала, я тебя с ней познакомлю, – отозвался Вадим.

– У тебя есть бабушка? – удивилась Юля. – Ты не рассказывал.

– Есть, конечно. Баба-ня, потому что она баба Аня. Я её, как только научился говорить, так зову. Эта квартиру ей дали как ветерану, а она мне подарила.

– А где же она сама живет?

– Раньше с нами жила, пока папа не умер. После этого еще три года с нами, а потом мама замуж за Петровича вышла. Тогда баба-ня к дочке ушла. Они живут здесь недалеко – десять минут на троллейбусе. Слушай, давай сразу сейчас к ней и съездим, я уже давно у неё не был. Может, она мне денег подкинет, у неё пенсия большая.

– Нет, я не готова! – возразила Юля. – Мне же надо вопросы продумать. О чем я её буду спрашивать?

– Она сама тебе все расскажет, поехали.

Вадим потащил подругу к выходу.

Подъезд был самый обычный, но дверь, в которую они позвонили, напоминала бастион. Это была очень массивная дорогая металлическая дверь. Её открыла женщина в спортивных штанах и грязной футболке. Не говоря ни слова и едва взглянув на гостей, она направилась к другим рабочим. В квартире шёл большой ремонт. Везде было грязно, пыльно, шумно. Юля сказала «Здравствуйте» присутствующим, но ей никто не ответил.

– Не волнуйся, мы с тёткой давно не разговариваем, – шепнул Вадим и громко крикнул: – Бабаня, это я, Вадим!

Им навстречу по-молодому быстро вышла чистенькая худенькая старушка с лёгкими седыми волосами и острыми, Юле даже показалось – чёрными, глазами. Чем-то – тонкостью черт лица и темнотой кожи, что ли? – старушка была похожа на почерневшую серебряную монету.

– Вадим! – Анна Андреевна обняла внука, такая маленькая рядом с ним. Он нагнул, и бабушка расцеловала его в свежие румяные щеки. – Как я соскучилась!

– Я тоже, бабань. Это Юля, моя подружка. Она хочет, чтобы ты ей о войне рассказала. Познакомься, Юлечка, это Анна Андреевна.

– Очень приятно, – смущённо произнесла девушка.

Руки у пожилой женщины слегка дрожали, но взгляд был ясный и внимательный. Впрочем, она недолго присматривалась к молодой гостье.

– Проходите в мою комнату.

Когда все зашли в боковую комнату, Анна Андреевна плотно прикрыла дверь, постояла около неё, замерев на несколько секунд, как будто хотела убедиться, что никто не подслушивает. Это движение не ускользнуло от Юлиного внимания, которая умела замечать всё.

Небольшая комната была хорошо, богато отделана: обои, окна, двери были наилучшего качества, и это чувствовалось. Мебель, между тем, стояла самая простая и далеко не новая: узкая кровать с ковриками на стене и на полу, шкаф, сервантик с какими-то вещичками и письменный стол с двумя стульями. На стене напротив кровати был прикреплён плоский телевизор.

– Видишь, деточка, как у меня чистенько? – обратилась старушка к Юле. – Я сама всё делаю: и стираю, и полы мою, хотя мне уже восемьдесят четыре года. Вадим, как у тебя дела? Что нового? Ты так давно меня не навещал и не звонишь почти.

– Некогда, бабуля, учусь. Нормально всё. И у матери всё хорошо. Бабуля, мы с друзьями собрались на турбазу, а у меня денег нет. Очень хочется съездить... Всю зиму в городе... Скоро лето.

– Сколько надо?

– Три тысячи, ну две.

Бабка вытащила из серванта старинный, отделанный бисером кошелек и дала внуку деньги.

Вадим не задержался надолго. Получив желаемое, он поговорил с бабушкой от силы минут десять и стал собираться:

– Ну всё, бабань, не буду вам мешать. Беседуйте, а я пошёл.

Юля, теребящая блокнотик, осталась с женщиной наедине.

– Я всем помогаю деньгами, – начала Анна Андреевна. – Вадима вот поддерживаю. Бедные родственники у меня есть во Владимире, им высылаю. Соседке снизу тоже денег подкидываю, у нее муж пьяница, иногда им дома есть нечего.

– Вадим мне сказал, что вы были участницей войны, – девушка приступила к делу. – Расскажите, пожалуйста.

– Да была, деточка, была... Я к этой соседке хожу спасаться, когда дома совсем уж нестерпимо становится. У меня с дочкой тяжёлые отношения. У нас с ней деньги отдельно. Тоня с семьей сама по себе, я сама по себе. У нас и продукты разные.

Юле хотелось быстрее закончить разговор, она попыталась вернуть старушку к нужной теме:

– А где вы служили?

– Под Москвой, Юля. Юлей же тебя зовут? – Девушка кивнула. – Зенитчицей была. Снаряды к зенитному оружию под-

носила. Мы старались вражеские самолеты в Москву не пропустить.

Анна Андреевна вздохнула и продолжила:

– Да, с дочкой мы питаемся отдельно. Она себе готовит, а я себе. Она хорошо готовит, но никогда меня не угостит. Вот Пасха была недавно, она куличей наделала, таких вкусных. А я не стряпаю уже, мне тяжело. Она даже куличиком не угостила.

Юля не знала, что еще спросить про военную службу.

– Расскажите что-нибудь о войне, – попросила она.

– Полковник у нас был, хозяйственный такой. Мы, солдаты, свежих фруктов-овощей не ели, авитаминоз начался сильный, цинга даже. Так он придумал капусту засолить. Рядом было капустное поле. Как он с колхозом договорился, я не знаю, только солдаты всю эту капусту снимали, выкопали огромную яму, стенки и дно укрепили цементом и прямо в яме посолили капусту. Целым взводом рубили, да. А потом всю зиму ели. Из других полков к нам приезжали за капустой... А дочка даже куличиком не угостила. Она со мной не разговаривает. И муж её не разговаривает, он у неё большой милицейский начальник. Они только орут на меня.

Личико старушки сморщилось, Юля с сочувствием погладила её руку, лежащую на столе.

– Деточка, если бы ты знала, как они орут! Мат-перемат! Такими словами, что ужас... Толкают, вещи мои швыряют. Я однажды сунула руку в холодильник, а зять дверцей как

хлопнет и смеётся. У меня потом огромный синяк на руке был. Я боюсь лишний раз из комнаты выйти.

У Юльки защипало в носу.

– Они меня просто ненавидят. Прямо говорят: «Скорее бы ты сдохла», а я всё никак не подышаю. Когда сильно обидят, ухожу к соседке, Раечке. Она меня жалеет. Сажу у неё весь день, а домой только ночевать прихожу. Они потом орут, что я по людям хожу и про них сплетни распускаю. А я ни к кому и не хожу, только к Раечке.

Старушка промокнула глаза ситцевой тряпочкой.

Видя, что никакой нужной информации получить больше не удастся, Юля собралась домой. Она встала и вспомнила, что учительница просила в сообщении по возможности представить фотографии ветерана.

– Анна Андреевна, у вас не сохранилось фотографий времен войны? – спросила она напоследок. – Я отсканирую и верну.

– Тоня раз разозлилась и все мои фотографии порвала в клочья. У меня одна только осталась, я ее спрятала.

Старушка открыла сервант, долго перебирала какие-то пожелтевшие бумаги и наконец достала потёртую фотографию. На снимке большая группа солдат в живописных позах расположилась на траве у низенького заборчика: кто сидел, кто лежал.

– Вот я, – сказала Анна Андреевна, указывая на молоденькую девушку, – в белой гимнастёрке, когда все были в обыч-

ных, зелёных. Я белую гимнастёрку попросила у командира, специально чтобы сфотографироваться.

– Я верну, – пообещала Юля. – Спасибо большое за рассказ.

Она торопливо положила фотографию и блокнотик в сумочку и чуть ли не бегом направилась к выходу. Анна Андреевна проводила её до прихожей. Хозяйка продолжала заниматься ремонтом, не реагируя на посетительницу.

Юлька вышла из подъезда слегка ошеломленная. Она не представляла, что так можно так ненавидеть собственную маму. В Юлиной семье родители и две сестренки всегда любили друг друга, жалели, помогали. Если случались какие-то неприятности там – во внешнем мире, то у себя дома они всегда могли рассчитывать на сочувствие и поддержку.

Неожиданно к ней подошел Вадим, который, как оказалось, дожидался её в тенечке на лавке у соседнего подъезда.

– Я решил тебя подождать. Ну как? – спросил он. – Рассказала тебе бабанька о войне?

– Ага, как солдаты в войну капусту солили, – ответила Юля, непривычно тихая и задумчивая. Помолчав, спросила: – Почему её так обижают родные?

– Не знаю, – ответил Вадим, не удивившись вопросу. – Бабушка очень любила своего сына, моего папу, а дочку, наверное, не любила. Но это так, версия. Просто я помню, что с папой у бабушки были очень хорошие отношения.

– Вадим, забери её к себе, – умоляющим голосом обратилась к другу Юля. – Ей там плохо!

– Мы предлагали, она не хочет. Квартира однокомнатная, вдвоём нам будет тесно. Она всё время повторяет: «Ты скоро женишься». А здесь у неё всё-таки своя комната.

– Невыносимо так жить!

– Ты не думай, что бабка с дочкой из-за квартиры разругалась, из-за того, что бабка мне эту квартиру отписала. Когда дочка к себе бабаню забирала, ни о какой квартире ещё и речи не было, а они уже постоянно ссорились, – оправдывался Вадим. – И потом, когда бабушка уже сказала нам, что хочет квартиру мне оставить, мама спрашивала: может, тете Тоне, у них двое детей. Бабушка сказала: они богатые, сами купят.

Некоторое время Вадим и Юля шли молча.

– Ты знаешь, сколько ей лет? Думай, что хочешь, а я боюсь с ней один жить. Вдруг проснусь утром, а она мёртвая. – Неожиданно Вадим привел новый аргумент и, поймав презрительный взгляд подруги, покраснел.

– Надо с кем-то посоветоваться, – решительно сказала Юля. – Я просто не могу так всё оставить. Как-то ей, наверное, можно помочь!

Они медленно двигались по улице. Вадим украдкой поглядывал на девушку – такой серьёзной и такой грустной он её еще не видел. Ему даже показалось, что она стала старше.

– Давай зайдем в церковь, – неожиданно предложила

Юля. – Может, нам священник что-нибудь посоветует.

Церковь стояла в стороне, в тени окружавших её деревьев, маленькая и изящная, как шкатулка из белого камня.

Юля и Вадим поднялись по ступенькам, открыли высокую дверь, вошли внутрь и оказались после яркого солнечного света в полумраке и тишине, здесь стоял особый запах – свечей, ладана и человеческого дыхания. Служба давно кончилась, и сейчас в церкви никого не было, только средних лет женщина в белом платочке вышла с ведром и шваброй из какой-то двери.

– Извините, мы бы хотели поговорить со священником...
– обратилась к ней Юля.

– Здравствуйте. Батюшка занят, сейчас к вам не выйдет. Приходите на службу, в пять часов, после службы пообщаетесь.

Наверное, лицо у Юли стало ещё более грустным, потому что женщина, хоть и без большого интереса, спросила:

– А что вы хотели?

Девушка, зачем-то взяв Вадима за руку, коротко рассказала всё. Женщина выслушала её очень сдержанно, только вздохнула:

– Наказание какое, Господи. Молиться надо. Вот что я посоветую: купите икону Божьей матери «Умягчение злых сердец» и подарите вашей бабушке. Может, все образуется.

Вадим и Юля собрали деньги, которые нашлись у них в карманах, и купили нужную икону в церковной лавке. Свет-

лое нежное лицо Богородицы выражало страдание, и терпение, и прощение. Тонкими красивыми руками она держала семь стрел. Было похоже, что все семь точат из ее груди, из самого сердца.

Юля поцеловала икону и неожиданно расплакалась.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал Вадим, не зная как её утешить. – Юлечка, ну не плачь!

Но выглядел он растерянным и несчастным. Помолчав, добавил:

– Мне кажется, что тётя Тоня не такая уж плохая. Она же взяла бабушку к себе, не отправила в дом престарелых.

Слезы у девочки высохли.

– Да-да, хорошая мысль! – вдруг воскликнула она с энтузиазмом.

Вадима даже слегка покоробило: он подумал, что Юля обрадовалась идее насчёт дома престарелых, но он сразу же устыдился своих мыслей, потому что Юля продолжила:

– Нужно их помирить! Я ещё пока не знаю, как, но мы попробуем. Правда, Вадим? Попробуем?

Через неделю они входили в этот дом второй раз. Юля была настроена серьёзно и решительно, Вадим был гораздо более скептичен.

– Они уже очень пожилые, Юля. Тётка сама уже год или два на пенсии. Что ты можешь, мой маленький дипломат?

– Ты уже сдался? Ещё не начали, а ты уже сдался?

– Я просто знаю их хорошо. Не представляю, как ты к тётке

Тоне можешь подойти. Она скажет что-нибудь, как кипятком ошпарит. Она очень злая, правда.

– Ладно, Вадим, мы посмотрим.

Дверь им открыла сама Анна Андреевна. Хозяйка в это время возилась на кухне, она показалась на минуту посмотреть, кто пришёл, и тут же, не говоря ни слова, скрылась.

– Спасибо большое за фотографию, – сказала Юля, протягивая фото, когда все уже расселись в бабушкиной комнате.

Анна Андреевна поднесла снимок к глазам, вглядываясь в дорогие лица из прошлого.

– Молоденькая я была, почти такая, как ты сейчас, – вздохнув, обратилась она к девушке.

Юля кивнула с улыбкой, удивляясь: бабаня была такой же, как она! Интересно, какими были люди тогда, целую жизнь назад? Что ели, что одевали? Что любили, к чему стремились? Так получилось, что в Юлиной семье не было стариков: папины родители прожили недолго, а мамины были далеко. И Юля тянулась к бабушке Вадима с любопытством, которого мог бы быть удостоен выходец с чужой планеты или, по меньшей мере, иностранец.

Пожилая женщина не могла оторвать взгляд от фото.

– А вот Зоя, не помню Белова или Беляева, – произнесла она, указывая на одну из девушек. Личики на фото были мелкие, размером с конфетти, поэтому казались Юле все похожими друг на друга. Бабаня продолжала. – Подружка была моя лучшая. Мы с ней долго переписывались. Она заберемене-

нела от командира роты и её демобилизовали. А он был женатый. Впрочем, это неважно, потому что он всё равно погиб в сорок третьем. А этот, видишь, рядом со мной, – Феденька, не отходил от меня ни на шаг, очень меня любил, а я его только как друга. Снаряд неподалёку разорвался, Федю контузило, он оглох совсем. Списали его тоже, больше мы не встречались.

Анна Андреевна называла людей, запечатленных на фотографии, по именам – всех помнила и о каждом могла что-то рассказать. Юля слушала внимательно, и все эти короткие рассказы откладывались яркими мазками в её памяти. Постепенно – Юля даже сама не осознавала этого – в её голове сложится не книжно-киношная, а собственная, личная картина мира, картина не такой уж давней, оказывается, истории России, истории народа, истории родной семьи, ведь Вадька, он же ей не чужой нисколечко, а значит и бабаня – тоже родная.

Юля слушала внимательно, а Вадим вскоре начал ёрзать.

– Я пить хочу, – заявил он.

– Я бы вас чаем угостила, но Тоня сейчас там, на кухне.

Я зайду, она орать будет.

Пожилая женщина расстроено примолкла. Сегодня она не жаловалась на дочь и не плакала, но Юле уже всё было понятно без слов. Неожиданно для себя девушка почувствовала, что очень хочет чаю. «Это прекрасный повод познакомиться с хозяйкой дома», – решила она, поэтому объявила:

– И правда, так хочется чаю!

Бабушка поглядела на неё испуганно, как будто Юля предложила ей выпрыгнуть в окно с девятого этажа. Вадим тоже покосился на подругу неодобрительно, однако сказал:

– Бабаня, я сам!

– Можно, я с тобой? – попросила Юля, и вдвоём они вышли из комнаты.

На кухне вкусно пахло жареным мясом. Тетя Тоня стояла у плиты с ложкой в руках и пробовала подливку. Она посмотрела на молодых такими же чёрными глазами, как у матери. И взгляд был похож на удар дверью, захлопнувшейся перед самым носом. Однако Юля не струсила и начала диалог, как воспитанная девочка:

– Здравствуйте!

Женщина проигнорировала её вежливость и её саму тоже.

– Тетя Тоня, можно чайник поставить? – обратился к хозяйке Вадим.

– Вы что, не видите, я готовлю обед, – процедила тётка. – Через полчаса закончу, тогда приходите и ставьте, а сейчас у меня под ногами не путайтесь!

– Ну, тогда воды дайте попить, – миролюбиво попросил Вадим

Тётка пожала плечами и махнула рукой в сторону одного из висящих на стене шкафчиков.

– Бабкина посуда там.

Пока Вадим пил воду, Юля наблюдала за женщиной и ду-

мала, что та сейчас должна чувствовать себя слабее бабани, потому что она одна, а с бабушкой близкие, которые её защитят. Однако эта мимолётная мысль оказалась ошибочной. Тётя Тоня по-прежнему доминировала, ни на секунду, не уступая лидерство, и Юля в этом скоро убедилась.

– А когда же чай? – напомнила девушка, обращаясь к Вадиму.

– Дома попьём, – сухо вато отрезал он.

– Дома попьёте? – вдруг с неожиданной язвительностью вмешалась тётка. Она сжала ложку сильно, как казак шашку, даже пальцы побелели. – Ты не успел заселиться в новую квартиру, а уже шлюх к себе таскаешь? Молодец, далеко пойдёшь! А знаешь, сколько сейчас за соращение малолеток дают?

– Спасибо, – Вадим со стуком поставил пустой стакан на стол, схватил Юлю под локоть. – Пошли!

Анна Андреевна встречала их стоя, даже ни на секунду не присев от волнения.

– Что она сказала? – спросила шёпотом, не называя дочку по имени. – Она не орала, а что сказала, я не расслышала.

Вадим ничего не ответил. Криком его не возьмёшь, не в первый раз от тётки слышит, а вот слова его испугали: он вспомнил, кто у тётки муж, отправить родственничка за решётку ему раз плюнуть. Не надо было приводить Юлю в этот дом. Парень был слишком расстроен и не особо вглядывался в то, что происходит с оскорблённой девушкой.

Её хорошенькое личико скучилось, маленький нос стал похож на красную ягодку. Она шмыгала этой ягодкой и одновременно рылась в сумке, наощупь отыскивая пакетик с бумажными носовыми платками. Рука её наткнулась на что-то довольно объёмное для дамской сумочки, и девушка вдруг вспомнила:

– Анна Андреевна, мы же приготовили для вас подарок!

Она вынула на свет икону и неуверенным тоном добавила:

– Правда, мы не знаем, верующая вы или нет.

– Перед смертью, миленькая, все верующими становятся, – ответила бабушка, осторожно принимая подарок. – Вот посмотри!

Она открыла дверцу серванта. На верхней полочке были красиво расставлены несколько икон.

– Я от дочки их прячу. Не надо, чтобы она их видела.

Юля сказала:

– Нам сказали, нужно молиться этой иконе, чтоб ваша дочка добрее стала. Мы так хотели, чтобы у вас отношения наладились!

У Юльки снова потекли слёзы, а бабушка обняла её и тоже заплакала.

Вадим думал о тёткиных словах. Если отбросить тон и формулировки, то в них, несомненно, было что-то правильное. Было такое, о чём он не думал раньше, просто радуясь жизни, радуясь своей молодости, радуясь своей любви. Он вдруг понял, что только он сам отвечает за свою жизнь, за

своё будущее. И не только за своё. Потому что и Юлино будущее тоже зависит от него. И он просто обязан относиться к ней по-взрослому. Раз так надо, значит так и будет, наконец решил для себя Вадим. Он стряхнул с себя неприятные мысли, как собака отряхивается от воды, и вдруг увидел, что обе – и бабушка, и Юля – заливаются слезами.

– Ну вот, в туалет сходить забыли! – весело сказал он. – Удивляюсь я вам, женщинам. Для вас самое милое дело – поплакать. По любому поводу. Бабаня, кончай сырость разводить, не то мы больше не придём!

Слезы у старухи высохли моментально.

– Вадим, не бросай меня. Ты только один и приходишь.

Вадим как-то сразу – озарением – осознал, что и бабаня тоже входит в круг его ответственности, о чём уже неделю трещала Юлька, добровольно разделяя, впрочем, с ним эту ответственность. Анна Андреевна о его мыслях ничего не знала, продолжала развивать свою, жалуясь на дочку:

– Она всё делает, чтобы ко мне никто не приходил, чтобы со мной никто не знался. Юлечку вот обидела, теперь, наверное, тоже никогда не придёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.